

Цзи Хуайчжэнь холодно усмехнулся.

— Воля Его Величества? Ну, дай-ка погляжу.

Лян Чунгуан, не проронив ни слова, протянул ему императорский указ.

Стоило Хуайчжэню развернуть свиток, как по спине пробежал холодный пот. Грамоте он был обучен неважно, но имя «Лу Шии» узнал бы, даже если бы оно рассыпалось в прах. Кое-как разобрав остальные знаки и сложив их в голове, он уяснил общую суть.

Указ был подлинным. Его подготовили заранее: начертанный кистью самого императора, он лишил Лу Шии полномочий специального посланника и велел немедленно взять его под стражу и доставить в столицу.

«Только доставить в столицу? Если бы он хотел моей смерти, приказал бы казнить на месте»

Цзи Хуайчжэнь впился взглядом в текст, ничем не выдавая тревоги, но краем глаза уже прикидывал шансы. Похоже, капитан Лян надеялся, что преступник покорно сдастся, и привёл с собой лишь один отряд. Бай Сюэ была далеко, но те, кто остался подле господина Цзи, были мастерами своего дела. Прорваться сквозь этот заслон было вполне возможно.

— Даосский наставник монастыря Циньюань смущал народ своими речами и подрывал устои государства, — ледяным тоном произнёс Хуайчжэнь. — Я лишь избавил страну от скверны.

Лян Чунгуан недовольтно нахмурился и уже открыл рот, чтобы возразить, но юноша резким движением разорвал указ в клочья. Лицо офицера мгновенно позеленело от ярости.

— Господин Лу! — прорычал он.

— Этот указ — подделка, — бросил Хуайчжэнь с полным безразличием. — Пожар случился только позавчера, как же воля Его Величества могла долететь до нас сегодня? У неё что, выросли крылья? Господин Лян, вы осмелились фальсифицировать святую волю императора. Знаете ли вы, какая кара вас ждёт? Не желаете ли сами проследовать в темницу?

Пока он говорил, его рука за спиной сделала едва заметный знак. Стражники из сопровождения незаметно разошлись в стороны, положив ладони на рукояти клинков. Они готовились к рывку.

Лян Чунгуан и сам понимал, что указ прибыл слишком быстро — будто всё было спланировано заранее. Однако он лично проверил печати: и государственная, и личная печати императора

были настоящими.

Для капитана слово государя было законом, а приказ гласил лишь одно — доставить человека в Шанцзин. Его солдаты были вышколены и, заведя, что цель собирается прорываться силой, мгновенно перестроились.

Стычка вспыхнула в одно мгновение. Лян Чунгуан, не имея приказа убивать, сдерживал своих людей. Хуайчжэнь же не ведал сомнений. Он понимал: если его схватят, это конец. Юноша разил без пощады, прокладывая путь сквозь ряды противника. Казалось, им вот-вот удастся вырваться, но вдруг воздух пронзил резкий свист. Туча стрел обрушилась на них, и одна из них насквозь прошла плечо Цзи Хуайчжэня.

Удар был столь силён, что его буквально вынесло из кареты. Капитан Лян, сидевший в седле, в изумлении обернулся.

К месту боя спешил ещё один отряд — огромный, в десять раз превосходящий силы Хуайчжэня. В руках всадников были жетоны, дающие неограниченную власть. Стало ясно: за ним пришли всерьёз. Людей господина Цзи вязали и убивали на месте без всякой жалости.

Шатаясь, Хуайчжэнь поднялся с земли. Он подобрал чей-то брошенный клинок и одним движением срубил хвост стрелы, торчащей из плеча. Увидев, кто возглавляет прибывших, он замер. Понимание пришло мгновенно, и на его окровавленном лице проступила хищная усмешка.

— Признаю, в этой партии я проиграл. Умереть от такой руки не зазорно.

В следующую секунду его схватили. К лицу прижали грубую ткань, пропитанную чем-то едким. Мир закружился, в глазах потемнело, и Цзи Хуайчжэнь провалился в бездну.

Когда он пришёл в себя, то обнаружил, что находится в тюрьме.

Руки были связаны, верхняя часть тела осталась обнажённой, а вещи лежали грудой в углу. Верёвка перекидывалась через потолочную балку, так что пленник висел, едва касаясь пальцами ног пола. Его пробудила не столько боль в запястьях, сколько саднящая рана в плече.

Повернув голову, он заметил, что наконечник стрелы вытащили, а рану небрежно присыпали порошком. Судя по тому, как она начала затягиваться, прошло дня три.

Стражник у дверей, увидев, что узник очнулся, поспешил выйти, чтобы доложить. Хуайчжэнь расслабленно улыбнулся.

— Принесите-ка вашему господину чего-нибудь поесть, — лениво бросил он вслед.

В каком бы положении он ни оказывался, Цзи Хуайчжэнь всегда находил способ уязвить противника своей невыносимой спесью. Вскоре в коридоре раздались шаги. Он перестал притворяться спящим и открыл глаза. Как он и ожидал, перед ним стоял тот самый человек, которого он видел последним перед обмороком — Саньси.

— Господин.

Собеседник отвесил ему церемонный поклон и махнул рукой. Тюремщики внесли поднос с едой и питьём.

— Покормите господина.

Хуайчжэнь не ел и не пил три дня, голод терзал его нутро, но когда еду поднесли к его губам, он лишь презрительно хмыкнул.

— Ну, выкладывай. Что этот пёс Лу пообещал тебе за мою голову?

Саньси улыбнулся, но промолчал. Он подошёл ближе, делая вид, что не понимает вопроса:

— Пёс Лу? Господин, уж не в бреду ли вы, раз поносите самого себя? Я — Саньси, и я прибыл от имени господина Цзи, дабы по воле Его Величества доставить в столицу поджигателя из Цинъюань.

Услышав, как изменилось обращение, Хуайчжэнь изменился в лице. Слуга понизил голос:

— Господин Лу, верно, ещё не знает. Господин Цзи Хуайчжэнь вчера был восстановлен в должности. В сей самый час он пребывает во дворце Минтан Цзиньлуаньдянь на утреннем приёме.

«Что это значит?»

«„Лу Ши“, который должен был ехать на переговоры, схвачен и брошен в застенки как преступник. А „Цзи Хуайчжэнь“, томившийся под арестом в ожидании казни, внезапно возвращён к власти»

Цзи Хуайчжэнь лихорадочно соображал, пытаясь разгадать этот ход. Внезапно он понял, почему Третий принц был забит до смерти в его тюрьме, а Лу Ши не стал раздувать скандал, лишь приказав тайно избавиться от тела.

«Смерть принца, конечно, была лишь эпизодом в борьбе за трон, но именно я подтолкнул события. Я действительно поступил так, как обо мне говорили — предал старого хозяина. А раз предал, нужно было идти до конца»

«Кроме того, я подменил Лу Ши, отправившись вместо него к Ижун, и не мог позволить тому целых полгода распоряжаться делами от имени Цзи Хуайчжэня. Тогда я решил ударить наотмашь. Я поднял такой шум, что столичные чиновники не могли не засыпать императора жалобами. Государь, следуя правилам игры, должен был наказать его, и тогда Лу Ши в моём обличье пришлось бы сидеть взаперти под домашним арестом»

«Возвращение должности тоже входило в наш договор с императором, но я не ожидал, что всё случится так быстро»

От этой мысли в голове зашевелилось страшное подозрение. Словно желая проверить его, Хуайчжэнь усмехнулся:

— Раз так, чего ты медлишь? Убей меня, и дело с концом. К чему все эти разговоры? Саньси, лучше признайся по-хорошему своему господину: чего он хочет от меня на самом деле? Учитывая нашу прошлую службу, быть может, я и снизойду до твоей просьбы.

— У твоего господина сердце мягкое. Я и к кошкам с собаками привязываюсь, а уж ты для меня всяко дороже скотины будешь.

Лицо Саньси потемнело.

— Куда ты спрятал верительный знак перед отъездом?

— Какой ещё знак? Я ведь всё отдал твоему господину Лу.

— Тот знак — подделка!

Хуайчжэнь расхохотался во весь голос. Рана на плече снова открылась, от невыносимой боли в глазах поплыли кровавые круги, но он не мог сдержать торжества.

— Саньси, ты столько лет служил мне и до сих пор не понял, что я всегда оставляю туз в рукаве? Скажу тебе правду: то, что я отдал твоему господину — пустышка. Через полгода она поплывёт и превратится в кусок ржавого железа. Пусть забирает соляные и железные промыслы Великой Ци, мне не жалко. Но пятьдесят тысяч воинов в области Гунчжоу Лу Ши не подчинятся. И Сяоцзиньтай — Террасой Тающего Золота — ему никогда не командовать.

Мужчина рванулся вперёд, почти коснувшись носом лица пленника. В его взгляде вспыхнуло безумие. Он резко, со всей силы, ударил узника в живот. Хуайчжэнь глухо охнул. Удар был нанесён без тени жалости, и юношу вырвало кровью.

Но не таков он был, чтобы молить о пощаде. Сглотнув солоноватую сладость, он хрипло вскрикнул:

— Ещё!

Удар последовал снова, в то же самое место. В глазах потемнело, в желудке всё перевернулось, но поскольку он не ел два дня, из него вышла лишь горькая желчь.

— Думал ли ты, что доживёшь до такого дня?

— Ты говоришь так, будто я вырезал всю твою семью. Саньси, я ведь никогда не обижал тебя.

Собеседник в ответ лишь осклабился, обнажив гнилые жёлтые зубы. Хуайчжэнь пристально посмотрел на него и вдруг произнёс:

— Ты — не Саньси. Кто ты такой?

Человек перед ним заметно дрогнул.

— Говори! — властно приказал Хуайчжэнь.

Он всегда был разборчив в тех, кто прислуживал ему лично. Он не терпел уродов, дураков или грязнуль. Если бы у настоящего Саньси были такие жёлтые, вызывающие тошноту зубы, он давно бы вышвырнул его вон.

— У Лу Шии совсем нет вкуса. Из какой сточной канавы он тебя выудил? Противно смотреть, — он впился взглядом в самозванца. Эти два удара окончательно прояснили его разум. — Дай-ка угадаю... Зачем тебе чужое лицо? Хотел выведать мои тайны? Нет, Лу Шии не настолько глуп. Он прислал тебя пытать меня, а не играть в загадки.

Самозванец, поняв, что разоблачён, пришёл в ярость. Убедившись, что от пленника не добиться правды о знаке, он повернулся к столу с инструментами. Схватив плеть, он с силой обрушил её на обнажённую грудь узника.

Раздался хлёткий звук удара. Кожа мгновенно лопнула, кровавый след протянулся от плеча до самого низа живота. Хуайчжэнь задохнулся, но прежде чем он успел потерять сознание, последовал второй удар.

Третий, четвёртый... Плеть свистела, впиваясь в плоть, но узник не издал ни звука. Более того, он снова рассмеялся — вызывающе и громко.

— Теперь я понял! Ты прикидываешься Саньси, потому что он был моим приближённым. Но здесь, в Фэньчжоу, его никто не знает. От кого ты прячешься? Постой... Есть один человек. Один-единственный, кто знает и меня, и Саньси, и Лу Ши.

Плеть снова взметнулась, но Хуайчжэнь резко качнул головой, уворачиваясь, и выкрикнул:

— Это Лян Чунгуан! Вы боитесь выдать себя перед ним!

Видя, что его раскусили, палач отбросил плеть. Он криво усмехнулся:

— Так радуешься? Неужто так приятно узнать, что верный слуга тебя не предавал? — Он огляделся и, убедившись, что их никто не слышит, прошипел: — Оказывается, и у такого мясника, как господин Цзи, есть чувства.

Хуайчжэнь улыбнулся разбитыми губами:

— Ещё бы. Мои псы куда умнее тех, кого держит Лу Ши. Как тут не радоваться?

— Посмотрим, долго ли ты ещё пропоёшь.

С этими словами человек присел и сорвал с него сапоги.

— Что, решил полизать пятки своему господину? — издевательски бросил узник.

— Я много слышал о мастерстве господина Цзи в допросах. Говорят, многие пытки Великой Ци придуманы вами лично. Раз уж вы сами их создавали, то должны знать всё до последней капли боли. Вот скажите мне, мастер... Если применить «Битьё редьки» тинчжаном — можно ли потом собрать раздробленные кости лодыжек?

Палач взял тяжёлый брус. Не дожидаясь ответа, он со всей силы обрушил удар на ступни Хуайчжэня.

Эта боль пронзила его до самого мозга. Удар пришёлся по суставам, но отозвался в затылке ослепительной вспышкой. В глазах потемнело, голова едва не раскололась, а холодный пот хлынул градом. Ступни пленника безжизненно повисли под неестественным углом.

Не давая ему опомниться, палач ударил его по лицу, разбив губы в кровь, а следующим движением попал прямо по раненому плечу. Но чем сильнее были побои, тем яростнее становился дух Хуайчжэня. Жизнь уходила из него, но упрямство лишь росло. Цзи Хуайчжэнь не знал слов «сдаться» или «просить пощады». Он с трудом набрал в рот крови и плюнул в лицо мучителю.

Тот потянулся за новым инструментом — на этот раз за кинжалом, собираясь заживо срезать мясо с костей. Но в этот миг из коридора донёсся яростный окрик:

— Стой!

Это был Лян Чунгуан.

— Он — государственный муж, чиновник империи! Указ императора велит доставить его в столицу для суда, а не чинить над ним расправу! Без воли государя, без судебного разбирательства — как ты смеешь пытаться его?!

Человек с лицом Саньси огрызнулся, велел капитан Ляну не совать нос не в своё дело. Он снова замахнулся плетью, но Лян Чунгуан перехватил его руку мёртвой хваткой. Офицер стоял непоколебимо.

— Пока он здесь, он — мой узник. И я в ответе за него. Если хочешь пытать его — принеси указ императора, тогда я подчинюсь.

С этими словами он с силой оттолкнул самозванца. Тот, явно чего-то опасаясь, лишь погрозил Ляну пальцем и, кипя от злости, покинул застенок.

Лян Чунгуан проводил его взглядом и велел стражникам позвать лекаря. Хуайчжэня начало трясти — пришёл ледяной озноб. Он дрожал всем телом, губы его обескровели, но глаза по-прежнему сверкали диким блеском.

— Надо же... — прохрипел он, глядя на офицера. — Кто бы мог подумать, что именно ты меня спасёшь.

— У меня нет намерения выгораживать господина Лу, — сухо ответил Лян Чунгуан. — Я лишь следую букве закона.

— Набрось на меня что-нибудь... — попросил Хуайчжэнь.

Капитан нахмурился. Узник был залит кровью, и любая одежда сейчас лишь причинила бы лишнюю муку. Но Хуайчжэнь был непреклонен — он не желал, чтобы его видели в таком жалком виде. Офицер подошёл к столу, взял вещи и встряхнул их. В этот миг из складок ткани на пол выпал небольшой лист бумаги — искусный портрет, выполненный тушью.

Хуайчжэнь резко изменился в лице.

— Не смей смотреть! — выкрикнул он.

Но было поздно. Лян Чунгуан уже поднял рисунок. Он впился в него глазами, и лицо офицера исказилось от ужаса. Он медленно поднял голову, глядя на человека, висящего перед ним, и в его голосе прозвучало неопишное потрясение:

— Ты не Лу Ши... Ты... ты Цзи Хуайчжэнь.

<http://bllate.org/book/15318/1377884>